

Penser l'histoire

Sous la direction de Grégory Dufaud, Guillaume Garreta
et Liudmila Pimenova

Как мы пишем историю?

Ответственные редакторы:
Гийом Гаррета, Грегори Дюфо, Людмила Пименова

РОССПЭН
Москва
2013

УДК 94
ББК 63.3(2)6-7
К16

Programme

Издание осуществлено в рамках программы содействия
издательскому делу «Пушкин» при поддержке
Французского института в России

Cet ouvrage, publié dans le cadre du Programme d'aide
à la publication Pouchkine,
a bénéficié du soutien de l'Institut français de Russie

Как мы пишем историю? / отв. ред. Г. Гаррета,
К16 Г. Дюфо, Л. Пименова ; [пер. с франц. Е. И. Балаховской,
Е. В. Дворниченко, Л. А. Пименовой]. – М. : Российская
политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2013. – 456 с.

ISBN 978-5-8243-1790-9

УДК 94
ББК 63.3(2)6-7

ISBN 978-5-8243-1790-9 © Гаррета Г., Дюфо Г., Пименова Л., 2013
© Балаховская Е. И., Дворниченко Е. В.,
Пименова Л. А., перевод на русский
язык, 2013
© Российская политическая энциклопе-
дия, 2013

ПРЕДИСЛОВИЕ СОСТАВИТЕЛЕЙ

В основу предлагаемой вниманию читателей книги легли материалы российско-французской научной конференции «Как мы пишем историю?», которая состоялась в Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова 10–11 июня 2010 г. и была организована Французским университетским колледжем в Москве и Историческим факультетом МГУ. В книге представлена в переработанном виде основная часть прозвучавших на конференции выступлений. В нее вошли статьи шести российских и семи французских авторов. Отечественные и французские историки разных поколений вступают в диалог и обмениваются мнениями о современном состоянии исторической дисциплины и ремесла историка, о теоретических основах и проблематике исторических исследований, о месте и роли профессионального историка в современном обществе.

Во вводной статье ее автор Франсуа Досс зоостряет внимание на наиболее существенных теоретико-методологических проблемах истории, таких как произошедшая в конце XX в. смена научной парадигмы, взаимоотношения истории и общественных наук, истории и философии, истории и

Фарж Арлетт – 137, 165
Февр Люсьен – 127, 173, 175,
177, 185, 190–193
Федор Иоаннович – 117
Фергюсон Адам – 187
Ферри Жюль – 189
Филлип II – 32
Философов Д.С. – 353, 361
Фитцпатрик Шейла – 239
Фреверт Ута – 315
Фреге Готлоб – 18
Фредегонда – 389
Фроянов И.Я. – 103, 106
Фуко Мишель – 22, 35, 36, 45,
134, 137, 139, 143, 261, 292,
305, 336–340, 355, 375,
434–436
Фульгенций – 227
Фурье Шарль – 290
Фуэнтес Хуан Франсиско – 90
Фюре Франсуа – 173, 274

Хабермас Юрген – 172
Хаймсон Леопольд – 239
Халфин Игал – 242
Хант Линн – 159
Хантингтон Сэмюэль – 177,
182
Хапаева Дина – 90
Харевичова Люча – 303
Харлан Дэвид – 162
Хили Дан – 335, 343,
344, 346, 348, 353, 354,

357, 360–362, 365, 366,
369–371, 374

Хобсбаум Эрик – 60, 68
Хрушев Н.С. – 375
Хьюэлл Уильям – 74, 75, 77, 78

Чакрабартти Дипеш – 443
Черепнин Л.В. – 102
Черутти Симона – 143, 144
Чикалова И.Р. – 323

Шама Симон – 165
Шартье Роже – 42–44, 136,
141–143, 151, 153, 158,
160, 428

Шастанг Пьер – 162
Шиллер Фридрих – 398
Шнырова О.В. – 392
Шоню Пьер – 51, 478
Шпенглер Освальд – 190, 192

Эли Джофф – 152, 155, 160,
168

Элиас Норберт – 25, 26, 44,
418, 440, 445, 446

Эмар Морис – 376, 390
Энгелстейн Лаура – 361
Энгель Барбара – 327
Энгельс Фридрих – 107, 323
Эпиктет – 286
Эткинд Александр – 361

Юрганов А.Л. – 108, 109

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бойцов Михаил Анатольевич – доктор исторических наук, профессор кафедры политической истории и заведующий Лабораторией медиевистических исследований факультета истории Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Делакруа Кристиан – профессор новейшей истории и историографии в университете Париж – Восток – Марн-ла-Валле.

Досс Франсуа – профессор университета Париж 12, научный сотрудник Института истории новейшего времени (Национальный центр научных исследований).

Дюфо Грегори – научный сотрудник лаборатории ТЕПСИС (Трансформация государства, политизация обществ, становление социального).

Клеш Артур – научный сотрудник Центра по изучению России, Кавказа и Центральной Европы (СЕРСЕС) Высшей школы исследований по общественным наукам.

Копосов Николай Евгеньевич – приглашенный почетный профессор Технологического Института Джорджии (Атланта, США).

Кром Михаил Маркович – доктор исторических наук, профессор исторической компаративистики Европейского университета в Санкт-Петербурге.

Лильти Антуан – директор исследовательских программ Высшей школы исследований по общественным наукам, член редакционного комитета журнала «Анналы».

Мазурель Эрве – преподаватель университета в Орлеане.

Пименова Людмила Александровна – доцент кафедры Новой и новейшей истории исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

Пушкарёва Наталья Львовна – доктор исторических наук, профессор, заведующая сектором этногендерных исследований Института этнологии и антропологии РАН, президент Российской ассоциации исследователей женской истории (РАИЖИ).

Рюо-Сарсе Мишель – профессор университета Париж 8.

Стогова Анна Вячеславовна – старший научный сотрудник Центра гендерной истории ИВИ РАН, доцент кафедры Истории и теории культуры РГГУ.

Филитов Игорь Святославич – доктор исторических наук, профессор кафедры истории Средних веков и раннего Нового времени исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие составителей	5
Введение	9
<i>Досс Ф.</i> Как сегодня пишется история: взгляд с французской стороны	9
Часть 1. Понятия, которыми пользуются историки	
<i>Копосов Н.</i> Исторические понятия в мире без будущего	57
<i>Кром М.</i> Использование понятий в исследованиях по истории допетровской Руси: смена вех и новые ориентиры	94
<i>Делакруа К.</i> Французские историки и «лингвистический поворот»: краткая история эпистемологических ярлыков	126
<i>Лильти А.</i> Как избавиться от цивилизации: об использовании одного концепта	171
Часть 2. Историк и архивы	
<i>Филитов И.</i> Рукописи не горят: проблема реконструкции погибших архивов и возможности расширения базы источников по истории Средневековья	196
<i>Дюфо Г.</i> Дисфункция советской системы в зеркале архивов	234
Часть 3. Современные гендерные исследования	
<i>Рюо-Сарсе М.</i> Другой взгляд на историю. Гендер: от Античности до наших дней	269
<i>Пушкарёва Н.</i> Женские и гендерные исследования: прошлое и будущее нового научного направления в России	300

<i>Клеш А. Историография русской гомосексуальности до и после Октябрьской революции: различные подходы и перспективы. . . . .</i>	<i>335</i>
<i>Стогова А. Франция в российской гендерной истории. . .</i>	<i>376</i>
Часть 4. Место историка в публичном пространстве	
<i>Бойцов М. Несколько меланхолических тезисов об историке и глобализации . . . . .</i>	<i>393</i>
<i>Мазурель Э. Что может историк. Практика исторического исследования между ангажированностью и дистанцированием. . . . .</i>	<i>414</i>
<i>Указатель имен . . . . .</i>	<i>447</i>
<i>Сведения об авторах . . . . .</i>	<i>453</i>

.....

Научное издание

Как мы пишем историю?

Ведущий редактор *Е. Ю. Кандрашина*
 Редактор *Е. А. Кочанова*
 Художественный редактор *А. К. Сорокин*
 Художественное оформление *А. Ю. Никулин*
 Технический редактор *М. М. Ветрова*
 Выпускающий редактор *Н. Н. Доломанова*

ЛР № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 26.08.2013.
 Формат 60×84/32. Бумага офсетная. Печать офсетная.
 Усл. печ. л. 13,252. Тираж 1000 экз.
 Заказ № 6316

Издательство «Российская политическая энциклопедия»
 (РОССПЭН)
 127018, Москва, 3-й проезд Марьиной Рощи, д. 40, стр. 1
 Тел./Факс 8 (499) 685-15-75 (доб. 116 – отдел реализации)

Отпечатано с готовых файлов заказчика
 в ОАО «Первая Образцовая типография»,
 филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»
 432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

нием О.В. Шныровой, руководителя Ивановского центра гендерных исследований и известного специалиста по истории английского суфражизма. Таким образом, эта проблематика как бы «привнесена извне» и выпадает из стереотипного представления о Франции.

В нынешней научной парадигме это является не столько препятствием для «объективного» научного исследования, сколько новым поводом для исследований, касающихся проблемы конструирования гендерного дискурса, в том числе конструирования современного научного гендерного дискурса, которые тоже ведутся и будут вестись дальше. В этом отношении, как мне кажется, обособленность российской традиции изучения Франции, внеположенность по отношению к французской историографической традиции, которая способствует рефлексии, существование российских историков в ином дискурсивном и мифологическом пространстве скорее являются в нынешней ситуации определенным преимуществом. Это дает дополнительную возможность обсуждать и анализировать в диалоге с французскими коллегами особенности гендерного дискурса в современной исторической науке.

Часть 4 МЕСТО ИСТОРИКА В ПУБЛИЧНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Михаил Бойцов

НЕСКОЛЬКО МЕЛАНХОЛИЧЕСКИХ ТЕЗИСОВ ОБ ИСТОРИКЕ И ГЛОБАЛИЗАЦИИ

**Нет сообщества без истории, нет истории
без сообщества**

Что за будущее ожидает историческое знание, а значит, и нас, историков, в наступившую эпоху глобализации¹? Эпохе этой трудно дать однозначную характеристику, поскольку в ней переплетаются

---

¹ Основные тезисы данной статьи мной уже высказывались в работе: *Бойцов М.А.* Выживет ли Клио при глобализации? // *Казус. Индивидуальное и уникальное в истории.* 2005. Вып. 7. М., 2006. С. 15–41, сокращенная версия: *он же.* Выживет ли Клио при глобализации? // *Общественные науки и современность.* 2006. № 1. С. 91–108. В качестве общего введения на русском языке в проблематику глобализации см. прежде всего: *Бек У.* Что такое глобализация? М., 2001.

самые разные, порой противоположные тенденции, степень влияния и перспективности которых пока крайне трудно оценить. Одна из них, бросающаяся в глаза, для историков, безусловно, огорчительна: она наводит на мысль, что складывающийся постепенно единый мир может вообще перестать испытывать нужду как в истории, так и в историках.

Согласимся, что любая картина прошлого служит прежде всего *самоидентификации определенного сообщества*, выявлению его отличия от сообществ иных. Нет истории (понимаемой здесь, естественно, не как событийный ряд, а как нарратив о прошлом) без сообществ, создающих, поддерживающих и модифицирующих свое видение прошлого, и нет сообществ без собственного исторического нарратива¹.

На протяжении ряда последних столетий, примерно с XVIII в., главным видом сообществ, нуждавшихся в образе собственного прошлого и активно его себе выстраивавших, были нации-государства. Существовавшие ранее во множестве партикулярные групповые идентификации (локальные, регио-

нальные, сословные, групповые и пр.) были к XIX в. почти полностью подчинены идентификации государственно-национальной, которая отныне стала диктовать важнейшие параметры отличия «нас», понимаемых теперь как членов одного государственного сообщества, от «них» — членов всех иных государственных сообществ.

Если же мы представим на минуту грядущее глобальное сообщество, оно сможет себя противопоставлять разве что марсианам, потому что на планете Земля для него не останется никаких «других». Разумеется, это весьма далекая перспектива, однако брать в расчет ее приходится уже сейчас как направление действующего вектора движения. Для такого будущего глобального сообщества история Канады, Марокко или Китая будет иметь не больше социального, политического и культурного смысла, чем для нас сегодня — история шумеров: последняя хоть и занимает мысли и время нескольких знатоков-антиквариев, но не имеет никакого общественного звучания.

У человечества как целого долго не было вообще никакой *общей* памяти — она начала медленно складываться только в эпоху мировых войн. Поэтому история в глобальном сообществе должна будет выстраиваться, видимо, как отрицание и преодоление национальных историй, как история построения единой планетарной цивилизации и как обоснование того, почему в этой цивилизации власть и ресурсы распределяются именно так, как они распределяются, а не как-нибудь иначе.

¹ Подробно этот тезис обосновывается в: *Boytsov M.A. No Community without History, no History without Community // Approaches to European Historical Consciousness: Reflections and Provocations / ed. by Sharon MacDonald with the assistance of Katja Fausser. Hamburg, 2000 (Eustory Series. Shaping European History. Vol. 1). P. 68–74.*

Естественно, что «глобальный» взгляд на прошлое неизбежно должен упускать из виду индивидуальные особенности культур и целых цивилизаций, «не замечать» многих различий в их исторических судьбах. Идею исходного своеобразия отдельной придется принести в жертву идее постепенной конвергенции в единое, и история как знание об единичном окажется подчинена знанию об общем.

Нечто слегка похожее имело место, кстати, в советскую пору, когда «всеобщая история» строилась на редуцировании естественного своеобразия разных культур. Под «шелухой» событий, имен и дат историк обязан был уловить «главное содержание» истории — и оно было примерно тем же что для Испании, что для Монголии, что для майя, что для арабов, заключаясь, во-первых, в процессе социальной дифференциации, а во-вторых, в трениях между возникавшими в ходе такой дифференциации общественными группами¹. Тем самым все не поддающееся охвату единым взором многообразие исторического мира сводилось к считанному числу простых социологических закономерностей. Что-то сходное, вероятно, должно случиться и с будущей «всемирной историей», только «категории предпо-

¹ Бойцов М.А. Откровенные заметки о втором томе «Истории Европы» // Бюллетень Всероссийской Ассоциации медиевистов и историков Нового времени. № 7. 1997. С. 30–36.

чтения» будут другими — не разделение и конфликт, а, напротив, соединение и снятие конфликтов.

Как они мешают, эти национальные истории!

Современная система образования, в частности исторического, создавалась ради «производства» прежде всего государственных служащих. От нынешнего чиновника по определению требуется быть носителем своей национальной культуры, а значит, не в последнюю очередь и определенного образа национального прошлого. Именно такое «наполнение» сознания приветствуется в качестве важнейшей предпосылки как для успеха служебной деятельности государственного служащего, так и для его личного успеха. В противоположность правительственному чиновнику, сотрудник крупной международной корпорации¹ (вроде «Бритиш

¹ Согласно классификации Х.В. Пёрлмуттера, все транснациональные корпорации можно разделить на три группы по степени усиления интернациональности их систем управления: этноцентрические, полицентрические и геоцентрические. Уже в начале 1970-х гг., когда эта классификация была предложена, ее автор констатировал, что подавляющее большинство корпораций относится ко второму типу при явной тенденции нарастания числа и веса геоцентрических корпораций. Из литературы о развитии транснациональных корпораций см., например: Transnational Corporations and Economic Development:

петролеум») или организации (вроде «Гринпис») наиболее эффективен тогда, когда максимально нивелирует свое культурное своеобразие и действует не по нормам собственной культуры, а по универсальным «технологическим» правилам. Руководству такой компании или организации меньше всего интересно, рос ли ее работник на стихах Шиллера, поучениях Конфуция или же романах Маркеса. Более того, дабы, упаси боже, не помешать хоть чем-нибудь деятельности корпорации, культурную особость ее работников лучше было бы как можно сильнее редуцировать. И в этом отношении требования к сотрудникам таких корпораций и организаций – характернейшим типажам XXI в. – диаметрально противоположны требованиям, предъявлявшимся государственным служащим – характернейшему типажу века XIX. Разумеется, никто не будет запрещать сотруднику «Бритиш петролеум» читать книжки по истории, более того, он вправе при желании посвятить им все свободное время. Но такое занятие признается за ним лишь в качестве хобби, относится к сфере частной жизни и никак не может влиять на принятие им служебных решений. У государственного же чиновника все наоборот: его профессиональные действия

---

from Internationalization to Globalization / ed. by L. Cuvvers and F. De Beule. Houndmills etc., 2005; Leviathans: Multinational Corporations and the New Global History / ed. by A. Chandler and B. Mazlish. Cambridge, 2005.

в идеале должны определяться в первую очередь так или иначе понимаемым патриотизмом, важнейшей частью которого является определенная концепция национального прошлого.

Тогда получается, что в эпоху глобализации история не только не нужна – она *мешает*. Ведь та историческая форма исторического знания, которая примерно в XVIII в. пришла на смену предшествовавшим формам исторического знания и пока еще преобладает, – это все еще история *национальная, национально-государственная*. Однако национальные истории в эпоху глобализации и сами по себе содержат немалую опасность, поскольку строятся сплошь и рядом на давних претензиях к «другим» и восхвалении «своих» исключительных достоинств.

Действительно, идентичность, создаваемая национальной историей, основывается сплошь и рядом на конфликте или конфликтах, а потому доставляет много сложностей уже сегодня, не говоря уже о том, что будет завтра. Как скажется на эффективности работы крупной международной корпорации то обстоятельство, если, скажем, одиной вице-президент – француз – будет недолюбливать другого вице-президента – британца – за то, что англичане сожгли когда-то Жанну д'Арк, а тот в свою очередь будет ностальгировать по былой державе Плантагенетов? Пример гротескный – скажет читатель и будет, конечно же, прав. Но если мы заменим пару «француз и англичанин» на какую-нибудь другую: «поляк и немец», «серб и албанец», «израильянин

и палестинец», «индиец и пакистанец», комизма в ситуации сразу же убавится. Чем больше каждая такая гипотетическая пара наших вице-президентов будет обременена историческими знаниями традиционного (то есть национально-государственного) толка, тем больше это будет мешать нашей гипотетической транснациональной корпорации получать прибыль, – высшую ценность современного общества – общества сплошной маркетизации. Значит, в высших целях приращения экономических выгод и получения прочих прагматических преимуществ нет никакой необходимости культивировать историю – напротив, ее необходимо как можно скорее *забыть*.

В этом отношении сегодняшняя ситуация диаметрально противоположна той, что была в XIX в., когда для приобретения и закрепления за собой рынков и обеспечения прибыли необходимо было задействовать всю мощь *национального государства* и не в последнюю очередь – его вооруженные силы и флот. Естественно, что в те времена ни о каком забвении *национальных историй* и речи идти не могло, наоборот, такие истории следовало рассказывать вновь и вновь. Это тогда гимназические учителя истории выигрывали битвы. Теперь же на повестку дня – к счастью или к несчастью – выходит *деконструкция национальных историй* со всеми их претензиями к «другим» и обоснованиями «собственных» исключительных достоинств. Как от обид и претензий, так и от самовосхвалений в

глобализирующемся мире становится все меньше пользы.

Традиционные «национальные» истории (как и любые иные картины прошлого) не просто *существуют*, они то и дело *сталкиваются*, вступают друг с другом в конфликты, нередко непримиримые. В XIX в. «немецкая» картина прошлого очевидно противостояла «французской», но обычный немец или француз мог и не догадываться о возможности альтернативного, «не своего» взгляда на минувшее: национальное государство в пределах своих границ успешно сохраняло монополию на «рассказывание истории». Сегодня с многократным усилением мобильности людей и развитием средств коммуникации возможности для столкновений между разными образами прошлого несопоставимо участились, спустившись до уровня сознания рядового обывателя. Сербя трудно «уберечь» от встречи с албанской трактовкой прошлого и наоборот. Отсюда многократное усиление конфликтности, содержащейся в национальной истории, ее способности ссорить людей. Опять выходит, что традиционные национальные истории крайне вредны для экономической интеграции: как, например, принимать албанцев и сербов вместе в Европейский союз, если даже с киприотами этого не получилось? Трудности, переживаемые сейчас национальными историями, вызваны не только «внешним» натиском глобализации, но и характерной «внутренней» болезнью – их собственная способность *интегрировать* сообщества за не-

сколько последних десятилетий явно снизилась. Виною тому не в последнюю очередь преступления, совершенные национальными государствами в XX в., — преступления, стоившие человечеству многих миллионов жизней. Национальная история писалась в XIX в. с тем, чтобы пробуждать гордость за свою нацию. В XX в. национальные истории начали вызывать стыд. Как приятно гордиться «своей» героической историей борьбы с внешним злом, но как трудно принимать на себя груз ответственности за зло, совершенное собственным государством, с которым ты вроде бы обязан самоидентифицироваться. «Хорошая» (в прагматическом отношении) идентичность — это идентичность комфортная, в противном случае могут возникнуть тяжелые фрустрации и у индивида, и у сообщества. Отсюда же понятно, почему самоидентификация индивида со «своей» национальной историей (а значит, и с собственным государством) вызывает сегодня трудности и предстает делом куда менее приятным, чем в XIX в. Едва ли не у каждой нации — большой или малой — больная совесть: у кого холокост, а у кого ГУЛАГ, у кого Вьетнам, а у кого Алжир, у кого один геноцид, а у кого — другой...

Низвержение научности — идола или бога?

Впрочем, и помимо национальных грехов проблем у истории как дисциплины хватает. Ведь скепсис в отношении ее познавательных возможностей

распространен сегодня у публики намного больше, чем в XIX или начале XX в. Советская историческая наука и еще больше советское историческое образование в конечном счете привели к решительной дискредитации исторического знания на всем советском (а следовательно, и постсоветском) пространстве.

Более того, едва ли не важнейшим *социальным* достижением советской исторической науки стала именно широкая дискредитация всякой исторической науки или, говоря точнее, всякой претензии истории на научность. В глазах же нашей общечеловечности «ненаучность» истории — это окончательный ей приговор, поскольку советская публика воспринималась в сугубо сциентистском ключе и слово «наука» все еще обладает для нее чарующим звучанием. Это не термин, отражающий определенный вид организации знания, а сакральный объект, в котором сконцентрированы высшие ценности, без которых — никуда.

Семидесятилетние глобальные эксперименты с историческим сознанием советского общества привели, как ни парадоксально, примерно к тому же результату, что и рафинированные методологические дискуссии на Западе. Если там лучшие умы путем тончайших интеллектуальных поисков при помощи тончайших инструментов логики и в ходе интеллигентнейших обсуждений пришли в конце концов к выводам о *высокой степени субъективности* всякого исторического знания, то у нас последний бродяга,

явно не знакомый с трудами Ницше, убежденно заявит, что история лжет, а историки — лжецы и проститутки, за гроши готовые как угодно обслужить любую власть.

Однако «постсоветское» утверждение «история все лжет» представляет собой всего лишь очень грубую (и потому, конечно же, совершенно некорректную) версию «западного» тезиса «в истории так много субъективизма». И на капиталистическом Западе, и на социалистическом Востоке историю практически одновременно лишили статуса «научного знания», разумеется, в том специальном, довольно узком смысле слова «научность», который преобладал в XIX в. Претензия на научность (или хотя бы жажда научности) играла очень большую роль в XIX в. для легитимации дисциплины истории и успеха интегрирующей миссии национальных историй. Последняя могла успешно выполняться до той поры, пока жила уверенность в том, что предоставляемое национальной историей знание если и не до конца «научно» сегодня, то во всяком случае станет вполне таковым уже завтра, в крайнем случае послезавтра. Признание того, что целый букет разных видов субъективного не только не искореним из исторического исследования, но даже относится к самому ядру такого исследования, не вписывалось в традиционное представление о «научности», а потому и привело к стремительному нарастанию скептицизма широкой публики по отношению к истории как дисциплине. Понимание же того, что история — не более прими-

тивная, а напротив, более сложная форма организации знания, чем «научность» физиков или геологов, широкой публике уж совсем не присуще. Отказывая истории в «научности», эта публика тем самым готова воспринять любую — даже самую невероятную — картину прошлого, да и многие историки готовы в этом за ней последовать. Все, что осталось от некогда «объективного»¹ и якобы универсального критерия «научности» как залога качественности исторических (как и любых иных) изысканий, — это всего лишь субъективная этическая установка конкретного историка искать новое, руководствуясь своим представлением об истине, а не попросту следовать за выгодной конъюнктурой. Но сегодня соответствовать требованиям даже такой «научности», сугубо индивидуально-этического свойства, историкам, даже профессиональным, становится все сложнее.

Новые идентичности и квазиистории

«Методологические» разочарования в возможности «подлинной научной истории», психологические сложности, вызываемые собственным «стыдным» прошлым, воздействие потока историко-культурной

---

¹ По поводу понятия исторической «объективности» в сознании постсоветских историков см. весьма красноречивый сборник: Может ли история быть объективной? // Материалы международной научной конференции. МГУ им. Ломоносова, 2 декабря 2011 г. М., 2012.

информации, не вписывающейся в рамки «национальной истории», приводят к совершенно новым явлениям в области массовой самоидентификации. Современные возможности позволяют преодолеть дискомфорт и выстроить (или «сшить») для себя едва ли не любую желательную личную или групповую идентичность, отличающуюся от идентичности национальной. Поскольку национальная идентичность является, похоже, еще менее «прирожденной», чем идентичность этническая, а представляет собой преимущественно социальный конструкт (с чем соглашаются, кажется, даже примордиалисты), то принципиальных преимуществ у нее перед «дополнительными» или «альтернативными» идентичностями не так много, как может показаться на первый взгляд.

Самым распространенным, пожалуй, вариантом такой дополнительной идентичности, начинающей вытеснять идентичность национальную, является повсюду в Европе идентичность региональная. Действительно, признания типа «Я осознаю себя в первую очередь франкфуртцем, во вторую — европейцем, а немцем не осознаю себя вовсе» приходится слышать в разных странах все чаще. И это не случайно: региональная идентичность снимает множество фрустраций: Франкфурт, Гессен или, скажем, Саксония никак не виноваты в грехах национального германского государства, точно так же, как Бретань или Прованс — в грехах государства французского, а Поволжье — в грехах государства российского или советского. Может быть, истори-

кам стоит срочно переключиться на написание сугубо региональных и локальных историй? Тем более что и глобализация, размывающая национальную государственность, вызвала резкое усиление тяги к региональной, местной идентичности. Для описания этого нового явления был даже придуман термин «глокализация», соединивший два слова: «глобализация» и «локальность»¹.

Однако если региональная идентификация оказалась самой *распространенной* альтернативой идентификации национально-государственной, она отнюдь не стала самой *радикальной и показательной*. К числу последних стоит отнести тех довольно многочисленных молодых людей, которые при последней переписи населения определили себя как «эльфов» или «хоббитов». Здесь мы подходим к новому явлению, порожденному глобализацией и

---

¹ Термин предложен Рональдом Робертсоном еще в самом начале 1990-х гг. Словечко быстро стало распространяться в литературе, см., например: *Swyngedouw E. The Mammon quest. «Glocalisation», Interspatial Competition and the Monetary Order: the Construction of New Scales // Cities and Regions in the New Europe: the Global-Local Interplay and Spatial Development Strategies / ed. by M. Dunford and G. Kafkalas. London, 1992. P. 39–67. Из работ о соотношении разных сторон «глокализма» см., например: *Mazlish B. The Global and the Local // Current Sociology. Vol. 53. 2005. P. 93–111; Matoba K. Glocal Dialogue: Transformation through Transcultural Communication. Milano, 2003.**

технологическим рывком, но, кажется, совсем еще не осмысленному социологами – *квазиистории*.

Как уже говорилось, собственной истории (в смысле связного рассказа, а не в смысле событийного ряда) у глобального общества нет и скорее всего быть не может. Архаичные национальные истории становятся все более неудобными. Почему бы тогда не изобрести заменители национальных историй – свободные от всех их недостатков «квазиистории», которые, во-первых, не были бы связаны с определенными нациями, а во-вторых, рассказывались бы по всему миру для всех его жителей одинаково? Но такие «квазиистории» уже созданы и пользуются большой популярностью. Разве не ими являются и «Звездные войны», и «Гарри Поттер», и, в особенности, «Властелин колец»? Все три знаменитых сериала выстроены по законам исторического жанра. Их морфология и поэтика прекрасно подошли бы для презентации «настоящего» исторического повествования. Поскольку в них рассказываются истории о других мирах, они освобождены от всех противоречий мира «нашего» и потому могут прекрасно служить созданию единого глобального сообщества. Идентификация себя с мужественными и скромными хоббитами или изысканными загадочными эльфами куда комфортнее, чем с собственным государством – Левиафаном, за которым числится немало гнусостей в прошлом и который дает мало поводов для восхищения в настоящем.

Что же касается художественных средств, при помощи которых выстраиваются квазиисторические

кинонарративы, то они обладают куда большей силой воздействия, чем научная проза историков XIX в. и нынешних продолжателей их дела. Современная кинематографическая «квазиистория» намного убедительнее «подлинной истории» (как, впрочем, и любой художественной исторической книги), динамичнее ее, доступнее для восприятия, проще и яснее, обладает эстетической цельностью и потрясающей художественной выразительностью. Ее можно представить в качестве масштабного полотна, а не разорванных фрагментов, «истории в осколках», к которым обычно сводится нынешнее историописание. Она в конце концов просто увлекательнее всего, что историки в состоянии предложить, и она не разделяет человечество, а сплачивает его, к тому же против легко узнаваемого зла и вокруг предельно простых и ясных ценностей добра, без всякой там амбивалентности и мучительных поисков нравственных оценок.

От истории к histortainment

Какая же основная функция останется у истории в эпоху глобализации? Завершая свое былое существование в качестве *средства идентификации сообщества*, она все быстрее превращается в *источник коммерциализируемых образов*, в своего рода лекало, по которому можно чертить схемы, например, далекой галактической империи или, скажем, великой древнекитайской державы, где все до одного – гении кунфу. Ясно, что такого рода

квазиисторические образы используются прежде всего индустрией развлечений, так что, нравятся нам или нет, но история в глобализирующем мире постепенно превращается в сплошной *histortainment*, *способ развлечения*, то есть, говоря иными словами, в один из *источников удовольствия* для широкой публики.

Развлекательный момент содержался в истории, без сомнения, если и не всегда, то издавна, но она его скорее стеснялась, предпочитая выходить на сцену эдакой строгой «учительницей жизни» с указкой в руке, а то представлять солидным ученым мужем, вооруженным лупами, пробирками, формулами и прочими атрибутами научного знания, чтобы с высокой точностью выводить на белый свет «закономерности исторического развития». Так, в заканчивающуюся двухсотлетнюю эпоху «истории как науки» о развлекательности истории в приличном обществе старались особо не говорить, поскольку историю представляли занятием серьезным и только для солидных людей, а вовсе не для каждого встречного. Сейчас же история, так же как и другие сферы общественного бытия (спорт, искусство или политика), вынуждена подчиняться основному требованию времени – всеобщей коммерциализации, а значит, приспосабливаться к запросам не идеологий разного рода, в том числе и государственных, а попросту рынка. Рынок же оставляет истории прежде всего указанную выше функцию развлечения публики.

История для потребителей, а не патриотов

Но как же так, возразят мне, любое сообщество, чтобы являться таковым, нуждается в средствах самоидентификации, и разве не история служила до сих пор, притом согласно моим же собственным словам, едва ли не важнейшим среди них? В том-то, на мой взгляд, и состоит дело, что изменилась сама *основа самоидентификации* современного общества – вопрос «*откуда мы* приходим?» теряет актуальность. В нынешнем обществе понятие «мы» уже не задается *общностью нашего прошлого*. Хорошо это или нет, но «мы» определяемся *общностью опыта потребления*.

Иными словами *новые мы* – это те, у кого появляется возможность получения одинаковых товаров и услуг. Жителям всех стран и полушарий предоставляется равная (по крайней мере, в принципе) возможность приобрести утюги одной и той же марки (или автомобили, или бутерброды с котлетой и капустой в одной и той же сети фаст-фуда, или диски с одной и той же песенкой, или туры по Италии с посещением одних и тех же достопримечательностей, или билеты на один и тот же фильм). При случайной встрече все жители земли вполне могут найти общие темы для разговора, обсуждая потребительские свойства нового продукта на рынке или хотя бы качество рекламирующих его телевизионных роликов. Все они оказываются членами единого глобального сообщества, а культурно-историческое своеобразие каждого из них

будет только мешать установлению продуктивного (то есть коммерчески значимого) диалога.

Итак, глобальное сообщество, каким оно вырисовывается сегодня, – это сообщество потребителей товаров, создаваемых глобальными же производителями и рекламируемых через глобальные информационные сети. От истории в таком обществе большого прока нет, как нет его и от историков, за исключением тех, кто умеет развлекать потребителя, пуская в коммерческий оборот те или иные исторические (или «квазиисторические») образы. Ясно, что потребность в «жрецах Клио» станет вскоре еще меньше, чем сегодня, отчего этому профессиональному сообществу суждено то ли до неузнаваемости измениться, то ли вовсе исчезнуть. «История как наука» родилась в конце XVIII – начале XIX в. вместе с национальным государством (и прежде всего ради него), а в близком будущем рискует сойти на нет – вместе с ним же. Как же вести себя ввиду таких невеселых перспектив историку, если у него нет возможности срочно переквалифицироваться в менеджера Всемирного банка или в сотрудника аппарата ООН? Во-первых, между вполне ясным обозначением перспектив и их превращением из перспектив в реальность может пройти немало времени – хватит вполне не на одну, а даже на несколько жизней. Во-вторых, ведущая тенденция вызывает множество разных видов противодействия. Такое противодействие не в состоянии остановить основной процесс, но может придать его результатам более приемлемую фор-

му, отчего сопротивление не лишено смысла. Историк оказывается хранителем своеобразия в унифицирующемся мире и в этой роли может рано или поздно неожиданно для самого себя оказаться в весьма пестрой и все еще загадочной компании антиглобалистов¹. В самом деле, историк кровно заинтересован в недопущении всеобщей стандартизации, в сохранении значимости для общества индивидуальных культур как имеющихся ныне, так и прошлых, заинтересован не только из высоких идейных соображений, но и из сугубо приземленных. Ведь историки как сообщество существуют сегодня благодаря различиям культур и времен, а не благодаря сходству между ними. Пожалуй, историк превращается из адепта государства, каким он был в XIX в., в защитника индивидуальной личности, противостоящей унифицирующему давлению постсовременности. В конечном успехе его деятельности стоит усомниться, сколь бы отчаянные усилия он ни предпринимал по ему, видимо, в любом случае придется в ближайшие десятилетия вести арьергардные бои: пускай и без всякой надежды на победу, но хотя бы для того, чтобы сойти с исторической сцены с чувством собственного достоинства и высоко поднятой головой.

¹ См., например, весьма пестрые по тематике статьи в сб.: Critical Theories, International Relations and «the Anti-globalisation Movement»: the Politics of Global Resistance / ed. by C. Eschle and B. Maiquashca. London, 2005.